

УДК 81 (075.8)

ЗНАЧЕНИЯ «МИРА ТЕКСТА» КАК ОСНОВА «МИРА ДИСКУРСА»

© 2010 г.

Г.Н. Манаенко

Ставропольский государственный педагогический институт

manaenko@list.ru

Поступила в редакцию 14.05.2010

На основе методологической трактовки информации раскрывается сущность соотношения «значение языкового выражения – дискурсивный смысл», определяющего специфику коммуникативного взаимодействия.

Ключевые слова: общение, текст, дискурс, значение, смысл.

Общение – это двусторонний процесс порождения и понимания речи как области взаимодействия. Ср.: по М.М. Бахтину, понимание текста «есть правильное отражение отражения. Через чужое отражение к отраженному объекту» [2: 484]. Но речевое общение – это не просто апелляция к определенным конфигурациям смыслов, но прежде всего порождение мыслей как действий. В таком случае можно утверждать, что если слово – апелляция к смыслу (знанию как определенному результату «прошлых» мыслей), то коммуникативная единица языка – это апелляция к мысли (непосредственно протекающему процессу движения знаний и представлений о мире). Различные типы предложений и других синтаксических конструкций, укорененные в языковой системе, – это своеобразные инструкции по порождению типов мыслей. Соответственно, отмечает Э. Левинас: «Сущностью языка в таком случае оказывается «отношение к Другому», и оно не приклеивается к «внутреннему монологу», как адрес на посылку или этикетка на готовое изделие, но сущностно включает в себя «радостное приятие бытия, отраженное на нашем лице, этическое событие социальной реальности». Эти моменты внутри управляют дискурсом» [Цит. по: 5: 80].

Надо отметить, что позиции Э. Левинаса во многом предвосхитили установки современной когнитивной лингвистики, в соответствии с которыми язык не считается отдельным модулем психологической структуры индивида, т.к. язык предстает как средство апелляции к другим когнитивным системам и интегрирован в них. Язык, скорее, когнитивный инструмент, система обозначений, использующихся в репрезентации ментальных презентаций и в видоизменении структур знаний: «Значения приравниваются концептуализации, т.е. эксплицируются как

когнитивная переработка. <...> Лингвистическая семантика в концепции К.Г. (когнитивной грамматики – Г.М.) имеет энциклопедический характер, так как лингвистические выражения значимы не сами по себе, а в силу того, что они обеспечивают доступ к различным структурам знаний, которые и позволяют «обнаруживать» смысл высказывания» [4: 50]. Необходимо подчеркнуть, что под «значением» здесь имеется в виду знаковое значение языковых выражений, благодаря которому и осуществляется «указание». Структуры знаний, к которым так обеспечивается «доступ», и есть означаемое языкового выражения как знака. Знаковое значение языкового выражения кодифицировано в «направлении совпадения» как общепринятой апелляции к определенной области смыслов концептуальной схемы, а также в плане формирования определенного типа мысли как движения и столкновения смыслов. Оно указывает на те смыслы, которые традиционно актуализируются в коммуникации, тем самым закрепляясь за ними (ср. выражение «стоит за словом»), «растворяясь» в них. Это «ближняя», наиболее частотная и актуализированная зона смыслов, так называемое *ближайшее значение* мыслительного содержания, по А.А. Потебне.

Как пишет И.К. Архипов, «свойства носителя языка могут быть приписаны продуктам его деятельности, что, «по логике», ведет к «оживлению» системы языка – наделению ее способностями «самоорганизации» и «самостоятельного» действия» [1: 168]. Способность быть знаком, организовывать взаимодействие индивидов, выступать средством для изменения психологических состояний общающихся и трансформации их концептуальных схем дала основания считать, что знания, предназначенные для «передачи», должны быть концептуализирова-

ны в языковых формах, приобретая тем самым качество «информации». Таким образом, получая статус реального социально-когнитивного феномена, информация онтологизируется, а языковые выражения становятся «кусочками» информации, которыми можно обмениваться как материальными предметами. Однако, как отмечает А.А. Залевская, «тело текста, взятое само по себе, без означивающего его человека, не содержит никакой-либо внутренней энергии, не может самоорганизовываться структурно» [3: 64]. Если учитывать тот факт, что в естественном процессе общения для носителя языка смысл слова сливается с его значением при актуализации того или иного фрагмента «мира дискурса», то следует принять положение, согласно которому «... исходный смысл, закладываемый в текст его автором, передается через значения используемых слов, которые дважды выступают в роли медиаторов в пятичленной связи «автор – его проекция текста – тело текста – проекция текста – читатель», при этом означивание и спонтанная интерпретация текста протекают на базе личностного опыта и связанных с ним переживаний разных людей» [3: 71]. В результате можно утверждать, что при онтологизации информации в тексте представлены конвенциональные значения языковых выражений, которые, по существу, образуют «мир текста», выступающий территорией взаимодействия как минимум двух человек и обеспечивающий доступ к их концептуальным структурам, определяющим «мир дискурса».

Специфика «мира текста», на наш взгляд, блестяще представлена в повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» в эпизоде, когда Александр Привалов испытывал машину времени. Приведем небольшой фрагмент: *На людей смотреть было интереснее. Я увидел здоровенных ребят в комбинезонах, ходивших в обнимку, чертыхавшихся и оравших немелодичные песни на плохие стихи. То и дело попадались какие-то люди, одетые только частично: скажем, в зеленой шляпе и красном пиджаке на голое тело (больше ничего); или в желтых ботинках и цветастом галстуке (ни штанов, ни рубашки, ни даже белья); или в изящных туфельках на босу ногу. Окружающие относились к ним спокойно, а я смущался до тех пор ...* (Здесь сделаем существенную для понимания текста купюру. – Г.М.). *<...> Тротуар вынес меня на огромную площадь, забитую людьми и уставленную космическими кораблями самых разнообразных конструкций. Я сошел с тротуара и стащил машину. Сначала я не понимал, что происходит. Играла музыка, про-*

износились речи, тут и там, возвышаясь над толпой, кудрявые румяные юноши, с трудом управляясь с непокорными прядями волос, непрерывно падающими на лоб, проникновенно читали стихи. Стихи были либо знакомые, либо скверные, но из глаз многочисленных слушателей обильно капали скупые мужские, горькие женские и светлые детские слезы. Суровые мужчины крепко обнимали друг друга и, шевеля желваками на скулах, хлопали друг друга по спинам. Поскольку многие были не одеты, хлопание это напоминало аплодисменты. Два подтянутых лейтенанта с усталыми, но добрыми глазами протащили мимо меня лоценого мужчину, завернув ему руки за спину. Мужчина извивался и кричал что-то на ломаном английском. Кажется, он всех выдавал и рассказывал, как и за чьи деньги подкладывал мину в двигатель звездолета. Несколько мальчишек с томиками Шекспира, воровато озираясь, подкрадывались к дюзам ближайшего астроплана. Толпа их не замечала [6: 140-141].

Поскольку, по утверждению изобретателя машины времени Луи Седлового, путешествие было совершено в «описываемое будущее», как и персонажи повести, читатель, особенно любитель фантастики, без особого труда может установить, кем и в каких произведениях, а самое главное, как описывалось «будущее», каким оно представлялось в том или ином «мире текста». То, что это именно «мир текста», подтверждает сделанная нами купюра: Саша Привалов смущался до тех пор, *«пока не вспомнил, что некоторые авторы имеют обыкновение писать»* (выделено нами. – Г.М.) *«что-нибудь вроде «дверь открылась, и на пороге появился стройный мускулистый человек в мохнатой кепке и темных очках»*. Писатели с иронией подчеркнули одну из особенностей текстов дискурса фантастики «ближнего прицела», как, впрочем, и некоторые другие – клише при описании места действия, стандартизированность событий (непрерывно англоязычный шпион и т.п.), штампы при передаче психологических состояний героев (варианты слез). Именно поэтому следует разграничивать «мир дискурса» и «мир текста», «то, что лежит за словом, и его возможное вербальное описание как последующий этап. На самом деле любое вербальное описание того, что лежит за словом, представляет собой выводное знание, обеспечиваемое соответствующими механизмами и построенное на базе потенциального набора активированных в памяти репрезентаций некоторых сущностей или событий» [3: 67].

Значения языковых выражений как апелляция к социально закреплённым конфигурациям

смыслов определяют *параметры* концептуализации мира определенным социумом, но не являются собственно формируемыми концептами. Иначе говоря, знаковые значения языковых выражений устанавливают границы содержания (означаемого) концептов со-знания каждого члена данного социума, ассоциируемые с языковым знаком.

Действительно, языковой знак, сочетаясь с другими языковыми знаками, создает «мир текста» и соотносится с ситуацией своего применения, что и образует контекст. Именно в контексте происходит переориентация указания, реализованного на основе системы знаковых значений языковых выражений, на другую область концептуальной схемы как структур знаний и представлений о мире. Все это возможно, поскольку области конфигураций смыслов как знаний и представлений о мире пересекаются, имеют общие точки, т.е. «обладают» одними и теми же смыслами. Совпадение областей смыслов как структур знаний и представлений о мире у разных индиви-

дов, образует «мир дискурса» и обусловлено как биологическим единством человека, так и принадлежностью индивидов к одному социокультурному пространству.

Список литературы

1. Архипов И.К. Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. М., 2006. С. 157–171.
2. Бахтин М.М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М., 2000.
3. Залевская А.А. Некоторые проблемы теории понимания текста // *Вопросы языкознания*. 2002. № 3. С. 62–73.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.
5. Портнов А.Н. Сознание, личность, язык в философии Э. Левинаса // *Философия языка и семиотика*. Иваново, 1995. С. 71–82.
6. Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу. Сказка о Тройке. М., 1992.

THE MEANINGS OF «THE WORLD OF TEXT» AS THE BASIS FOR «THE WORLD OF DISCOURSE»

G.N. Manaenko

On the basis of the methodological interpretation of information, the essence of the correlation "meaning of linguistic expression - discursive sense" is revealed. This correlation determines the specificity of the communicative interaction.

Keywords: communication, text, discourse, meaning, sense.